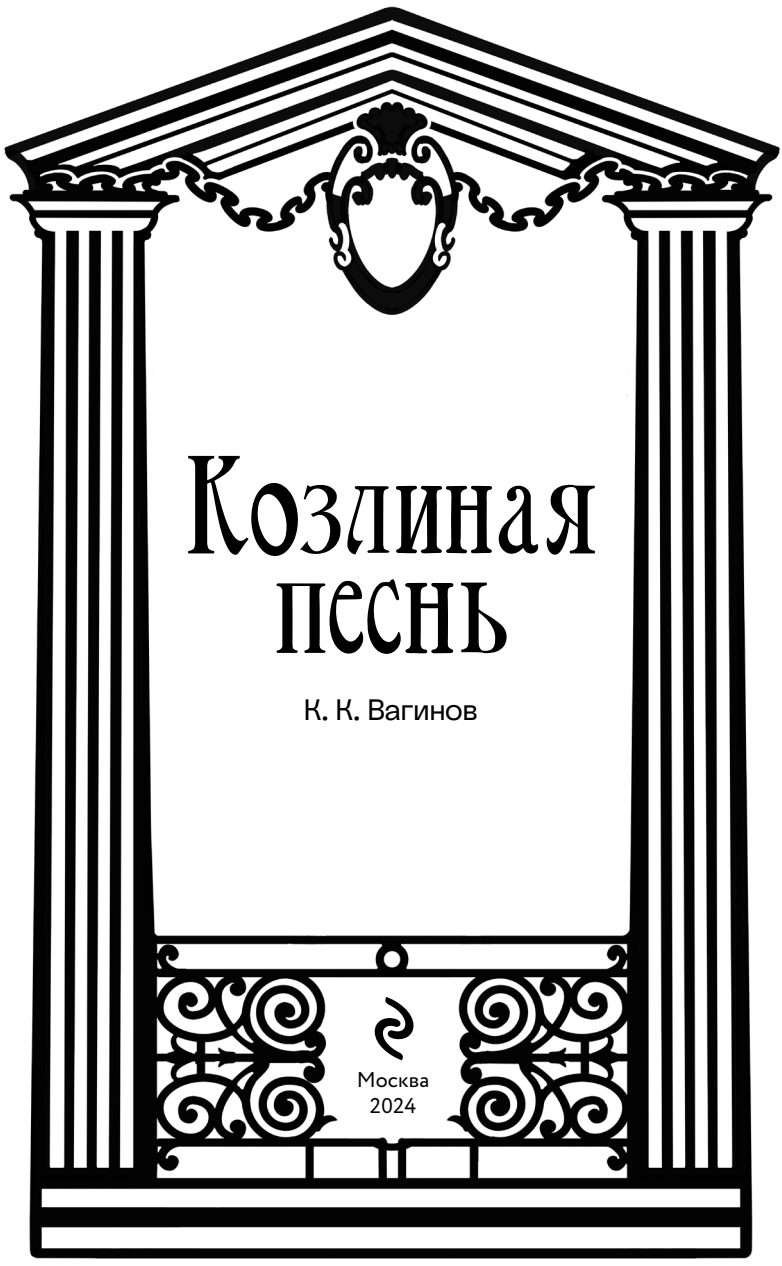






Козлиная песнь

К. К. Вагинов



Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В12

Художественное оформление
Анастасии Авдеевой

Разработка концепции серии и обложек
Натальи Артёмовой

Вагинов, Константин Константинович.
В12 Козлиная песнь / Константин Вагинов. —
Москва : Эксмо, 2024. — 576 с. — (Мистиче-
ский Петербург).

ISBN 978-5-04-201131-3

О сколько нам открытий чудных готовит новый страш-
ный век! Как хочется сбежать от его беспощадной неизбежно-
сти! Как это делали герои романов загадочного Константина
Вагинова: немного нелепые, почти карикатурные эскапи-
сты, которые предпочитали восторгаться древнеримскими
стихами, прячась за статуями в Летнем саду, или коллек-
ционировать бессмысленные артефакты, чужие характеры,
сны, ругательства и фантики – хватались за любую бытовую
мелочь, лишь бы улизнуть от пугающей действительности.
В книге собраны три самых известных произведения Ваги-
нова: трагическая «Козлиная песнь», зловещие «Труды и
дни Свистонова» и остроумная «Гарпогонияна», а предворя-
ет их статья писателя Антона Секисова (автора путеводителя
по петербургским кладбищам).

В дизайне обложки использованы мотивы декоратив-
ных элементов особняков на улице Мичуринской (бывшей
2-й улице Деревенской Бедноты) в Санкт-Петербурге.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Секисов А.А., предисловие, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-201131-3

Вагинов, которого никто не поймал

Константин Вагинов — писатель прежде всего странный. Для кого-то заманчиво-странный, для кого-то раздражающе странный. Писатель-чудак, населяющий свои тексты такими же чудачками. Вагинов ускользает от любых ярлыков и определений, которые на него пытались навешивать и при жизни, и продолжают навешивать по сию пору. Николай Чуковский так рассуждал о прозе Вагинова: «Его романы представляют собой как бы криптограммы, как бы зашифрованные документы, причем ключ от шифра он не дал никому».

В напрасной попытке сказать о Вагинове хоть что-то конкретное коротко перечислим факты его биографии. Константин Константинович родился в богатой семье. Его отец, жандармский ротмистр Константин Вагенгейм, выгодно женился на дочери золотопромышленника, городского головы Енисейска, Любови Баландиной. Они купили большой доходный дом недалеко от Мариинского театра, где, вероятно, жили на широкую ногу, как принято говорить. Буду-

щего писателя отдали в престижную петербургскую гимназию имени Гуревича. Но после революции семья потеряла всё. Самого Вагинова мобилизовали в Красную армию, и он принял участие в военных действиях на Польском фронте. Столь драматичные события не нашли отражения в его будущих текстах — причудливых, сновидческих, ироничных.

Вернувшись с войны, юный Вагинов стал ходить по петроградским (ленинградским) литературным кружкам и салонам, прежде всего поэтическим. Он участвовал в гумилевском «Цехе поэтов», объединении «Островитяне», на определенном этапе примыкал к ОБЭРИУ. Он отметился и в группе «эмоционалистов», которую возглавлял Михаил Кузмин. Первый рассказ Вагинова «Монастырь Господа нашего Аполлона» был опубликован в их литературном альманахе под названием «Абраксас». А еще Вагинов входил в круг филолога, исследователя карнавальной культуры Михаила Бахтина. Но по настоящему своим он нигде не стал. Современники оставили о Вагинове очень мало воспоминаний.

Что можно сказать о нем с определенностью: Вагинов — писатель прежде всего петербургский. Филолог Владимир Топоров, введший в оборот термин «петербургский текст русской литературы», наградил Вагинова спорным, но характерным титулом: «закрыватель темы Петербурга». Петербург у Вагинова — го-

род-мираж, населенный карикатурными и вместе с тем призрачными фигурами, существующими как будто вне времени и пространства. Гуляя по центральным улицам Петербурга, оглянитесь по сторонам. Вы непременно увидите типичного персонажа Вагинова. Это будет нелепо, но целеустремленно движущийся человек неопределенного возраста с рассеянным взглядом. При этом понятно, что целеустремленность его — особого свойства. Он торопится во все не в банк и не в бизнес-центр, а по делам, которые любому рациональному человеку покажутся смехотворными. Например, он спешит на заседание кружка поэтов-метамодернистов. Или на заседания клуба любителей пылесосов. Или собирается прикупить пачку использованных лотерейный билетов, а может, и чей-то молочный зуб.

Его герои — эскаписты, прячущиеся от реальности одновременно в прошлом и будущем, в своих хобби, неизменно причудливых, в высоких башнях культуры, за статуями Летнего сада и Петергофа, в древнеримских стихах. Быть может, поэтому тексты Вагинова созвучны современной эпохе, едва ли не главной чертой которой можно счесть эскапизм.

Почти все его романы в той или иной степени воспроизводят фабулу раннего вагиновского рассказа, уже упомянутого «Монастыря Господа нашего Аполлона», опубликованного в 1922 году. Это достаточно страшный текст, по-

жалуй, в духе триллеров о приключениях людоеда Ганнибала Лектера. Группа художников-интеллектуалов, которые, конечно же, презирают современность и поклоняются образцам древности, воскрешает из небытия древнегреческого бога Аполлона. И бог Аполлон, вместо того чтобы благоволить художникам, открывает на них охоту, пожирая одного за другим.

То же, по сути, происходит в первом и самом известном романе Вагинова «Козлиная песнь».

«Козлиная песнь»

Это самый известный, хотя и, пожалуй, самый сложный для восприятия роман Константина Вагинова. Его тема — тот самый побег от враждебной реальности, своего рода «уход в лес». В сущности, «уход в лес» и «уход в Петербург» — одно и то же. Петербург воплощает собой антиприроду — как и лес, безразличную к человеческому присутствию, существующую вне времени. За античными статуями можно скрыться с тем же успехом, что и в лесной чаще. Что герои «Козлиной песни» и делают: читают стихи Гонгоры и римских философов, влюбляются и гуляют по Летнему саду среди римских скульптур, до последнего пытаясь сдержать оборону перед наступающим новым Средневековьем. Но от реальности не уйти, ведь она тотальна: даже отечественные

осины уже говорят на новом варварском языке. Вагинов уверенно ведет своих персонажей «Козлиной песни», как и герои «Монастыря», к смерти — физической или душевной.

Рецепта спасения у Вагинова нет — герои, пытающиеся встроиться в новый мир, и герои, бегущие от него до последнего, кончают одинаково плохо. Впрочем, все это не имеет никакого значения: Петербург вечен, и вечны его герои, обреченные на вечное возвращение.

Один из самых ярких героев «Козлиной песни» — Костя Ротиков. Это очень современный персонаж, коллекционер китча, всевозможной безвкусицы. Он упивается дурным вкусом и с маниакальным упрямством окружает себя уродливыми, нелепыми предметами. Очень характерный для Вагинова герой.

«Труды и дни Свистонова»

Здесь следует сказать еще об одной важной черте, присущей писателю Вагинову. В жизни он производил впечатление человека мягкого, доброжелательного и деликатного. Но за этим образом, отчасти верным, скрывался мужчина насмешливый и даже язвительный. Это хорошо видно в вагиновских текстах, прежде всего в той же «Козлиной песни», куда он в окарикатуренном виде перенес многих своих знакомых из числа ленинградской богемы. Узнав

10 себя, прототипы были страшно возмущены.

Этой коллизии посвящен и довольно веселый роман «Труды и дни Свистонова». Главный герой, писатель Свистонов, сближается с людьми только с одной целью: как следует их узнать, чтобы затем перенести в свою прозу. Представив их, разумеется, в невыгодном, издевательском свете. Он тоже своего рода коллекционер — коллекционер человеческих типов.

«Его жизнь состояла не только в подслушивании разговоров, в охоте за людьми, но и в чрезвычайной зараженности ими, в известном духовном соучастии в их жизни. Поэтому, когда умирали его герои, нечто умирало и в Свистонове, когда отрекались они, известную долю отречения переживал и Свистонов. Кроме того, как ни странно на первый взгляд, Свистонов верил в магическую глубину слова».

Свистонов считает или убеждает себя и других, что делает благородное дело — увековечивает, дарует вечную жизнь простым смертным. В действительности же Свистонов — персонаж зловещий. Одну за другой он похищает личности своих знакомых: описанные в его текстах, они теряют себя, медленно исчезают. «Труды и дни» наполнены яркими эпизодическими персонажами: чего стоит «советский Калиостро», с безжалостной иронией изображенный Вагиновым кухонный мистик, основатель некоего тайного ордена Психачев.

«Гарпогониана» — роман неоконченный, но, пожалуй, самый остроумный и легкий для восприятия у Вагинова. В центре сюжета — 35-летний мужчина Локонов, живущий с мамой и коллекционирующий чужие сны, и делец Анфертьев, его дилер, продавец и собиратель снов. И здесь перед нами тот же, центральный для Вагинова, мотив эскапизма, бегства в свой маленький фантастический мир: мир искусства, сновидений или же экзотических хобби. Сам заядлый коллекционер, свой последний роман Вагинов полностью посвятил таким же коллекционерам, собирателям вещей сомнительной ценности или вовсе понятий: снов, ругательств, обрезков ногтей, фантиков от конфет и носков с дырками. В этом занятии сквозит отчаянная попытка сберечь старый мир, рассыпающийся на глазах. Или, быть может, собрать из этих огрызков и обломков свою альтернативную реальность, которую можно будет не покидать, не выходить в реальность внешнюю.

«Вот какое я ругательство подцепил! Да, я в свое удовольствие живу», — радостно восклицает один из героев. Этот мир коллекционирования тотален: его герои и сами становятся объектом чьей-то коллекции. Главный герой Локонов чувствует себя «бабочкой, посаженной на булавку». А свою мать он любит «как засушенный цветок, связанный с детством наших чувств».

Роман «Гарпогониана» — неоконченный. Вагинов дописывал его перед смертью. Умер он в очень юном для прозаика возрасте — всего в 34 года. Характерно, что ускользавший всю жизнь от определений Вагинов продолжил свое «ускользание» и в посмертии. Писатель, умерший не так уж давно, в 30-е годы XX века, к тому же один из самых ярких писателей поколения, оставил о себе очень мало следов на земле. Символично, что даже его могила на Смоленском православном кладбище не сохранилась. От Вагинова почти не осталось вещей. В архивах можно найти крупницы: коллективная фотография, обрывок черновика. Словом, «мир ловил его, но не поймал», по выражению философа Григория Сковороды.

Сейчас Вагинов приходит к читателю странными путями. Это писатель, что называется, «не для всех». Но если эти «не все» — вы, Вагинов запросто станет вашим любимым писателем.

Антон Секисов — литератор, редактор, автор нескольких книг, включая роман «Комната Вагинова», а также путеводителя по петербургским кладбищам «Зоны отдыха» и повестей «Кровь и почва», «Бог тревоги» и т. д.

КОЗЛИНАЯ ПЕСНЬ

Предисловие, произнесенное появляющимся на пороге книги автором

Петербург окрашен для меня с некоторых пор в зеленоватый цвет, мерцающий и мигающий, цвет ужасный, фосфорический. И на домах, и на лицах, и в душах дрожит зеленоватый огонек, ехидный и подхихикивающий. Мигнет огонек — и не Петр Петрович перед тобой, а липкий гад; взметнется огонек — и ты сам хуже гада; и по улицам не люди ходят: заглянешь под шляпку — змеиная голова; вступишь в старушку — жаба сидит и животом движет. А молодые люди каждый с мечтой особенной: инженер обязательно хочет гавайскую музыку услышать, студент — поэффектнее повеситься, школьник — ребенком обзавестись, чтоб силу мужскую доказать. Зайдешь в магазин — бывший генерал за прилавком стоит и заученно улыбается; войдешь в музей — водитель знает, что лжет, и лгать продолжает. Не люблю я Петербурга, кончилась мечта моя.

**Предисловие,
произнесенное появившимся
посредине книги автором**

Теперь нет Петербурга. Есть Ленинград; но Ленинград нас не касается — автор по профессии гробовщик, а не колыбельных дел мастер. Покажешь ему гробик — сейчас постукает и узнает, из какого материала сделан, как давно, каким мастером, и даже родителей покойника припомнит. Вот сейчас автор готовит гробик двадцати семи годам своей жизни. Занят он ужасно. Но не думайте, что с целью какой-нибудь гробик он изготавливает, просто страсть у него такая. Поведет носиком — трупом пахнет; значит, гроб нужен. И любит он своих покойников, и ходит за ними еще при жизни, и ручки им жмет, и заговаривает, и исподволь доски заготавливает, гвóздики закупает, кружев по случаю достает.

Глава I

ТЕПТЕЛКИН

В городе ежегодно звездные ночи сменялись белыми ночами. В городе жило загадочное существо — Тептелкин. Его часто можно было видеть идущего с чайником в общественную столовую за кипятком, окруженного нимфами и сатирами. Прекрасные рощи благоухали для него в самых смрадных местах, и жеманные статуи, наследие восемнадцатого века, казались ему сияющими солнцами из пентелийского мрамора. Только иногда подымал Тептелкин огромные, ясные глаза свои — и тогда видел себя в пустыне.

Безродная, клубящаяся пустыня, принимающая различные формы. Подыметесь тяжелый песок, спиралью вьется к невыносимому небу, окаменевают в колонны, песчаные волны возносятся и застывают в стены, приподнимется столбик пыли, взмахнет ветер верхушкой — и человек готов, соединятся песчинки, и вырастут в деревья, и чудные плоды мерцают.

Одним из самых непрочных столбиков пыли была для Тептелкина Марья Петровна Далматова. Одета в шумящее шелковое платье, яв-